

ность обеспечения такого занятия на предбудущие времена,—ясно, что о великом апологете аполитичности можно и должно было говорить не иначе, как обливаясь слезами и став предварительно на колени. Он кстати и умер, а кто не знает, как русский интеллигент обожает мертвечину. (В книжке своей Ховин неосторожно обругал Блока, а тот возьми да и умри, как же быть-то?). Для канонизации все элементы были налицо. Она и произведена В. Ховиным на первых же страницах его работы «На одну тему». На одну ли? «У стен радостно расцветенной Троицко-Сергиевской Лавры, дряхлого памятника старой Руси, гордо возносящего свои золотые купола над бесплодными,—увы!—песками нашей «Новой», позором немощи испепеленной России»... (1919 г.) «История гениальнее людей, делающих ее, а события разворачиваются часто с таким великолепным размахом и гениальным буйством»... (1920 г.). В этом переходе от минора в мажор поэзия Маяковского и статья о ней сыграла роль каденцы. Вряд ли только талантливый автор «Мистерии Буф» будет благодарен своему критику.

И. А. Аксенов.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ. Статьи. Петербург. 1921 г. Из-во «Картонный Домик». 336 стр.

Толстый томик. Внешне производит приятное впечатление своей редкой в наши дни толщиной. Под его кровлей собрались разнородные авторы, объединенные одной общей целью—почтить и понять рано ушедшего от нас поэта.

Забегая вперед, все-таки скажем, что мы ожидали большей продуманности, надеялись увидеть живое лицо поэта.

Этого нет: все в сборнике загромождено отвлеченными рассуждениями о поэзии вообще, о символизме о «восхождении» и «нисхождении», т.-е. о том, что уже десять лет тому назад не блистало ни свежестью, ни новизной. Не будем отри-

цать, что некоторые мысли Б. Эйхенбаума правильно намечают вопрос о судьбе поэта, несомненно прав В. Жирмунский в своем анализе источников. Но общий тон статей как-то слишком не конкретен, слишком далек самой теме, и всевозможные сопоставления то с Соловьевым, то с Гейне мало убедительны своей отрывочностью, не доведенностью до конца. Прочитав иную страницу, скажешь: «это верно», но в то же время не почувствуешь себя удовлетворенным правильностью наблюдений, именно потому, что верная мысль сейчас же тонет в ворохе побочных отвлеченных рассуждений вообще.

В. Пяст пишет о спиритизме, перевоплощениях и «элементалях», Анцыферов о Петербурге у Гоголя и Достоевского, Энгельгардт и Верховский подкрепляют именем Блока общие положения теории символизма. Более по существу написана статья Жирмунского, подводящая итоги изучению поэтики Блока, мало дает Ю. Тынянов, хотя тема его выбрана интересно, не вызовут особенных споров наблюдения М. Слонимского, хотя бы и могли быть острее. В общем остается впечатление, что если бы пухлый сборник сжать и оставить в нем все фактическое и имеющее отношение непосредственно к Блоку, то от этого выиграли бы и авторы и читатели.

Мы были бы более благодарны именно за фактическое, за историю творчества, за биографию, наконец.

Кстати, ведя общие рассуждения то о романтизме Блока, то о цыганском романсе, авторы почти забыли поэта в обстановке современной жизни и современной поэзии. Где Брюсов, Белый, расхождение и дружество с ними? Где «Седое Утро», эта роковая книга, заставившая Эйхенбаума вспомнить «пророчество» московского критика?..

Весь этот материал о Блоке еще впереди, и петербургский сборник только лишней раз доказывает, что спешные поминки иногда не мешают отложить, чтобы помянуть действительно по чести и по заслугам.

Н. Локс.